

Некоторые философские представления в «Георгиках» Вергилия

Ольга В. Шаршукова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sharshukovaov@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается, как Вергилий относится к некоторым эпикурейским представлениям, на материале описаний страсти и болезни в III книге «Георгик» и в «О природе вещей» Лукреция. Дело в том, что именно эти эпизоды у Вергилия называют одними из самых последовательных имитаций Лукреция, и поэтому здесь можно проследить отношение Вергилия ко взглядам Лукреция и, соответственно, к эпикурейским. Также мы рассматриваем отношение Вергилия (на примере III книги «Георгик») и Лукреция к религии. Кроме того, в статье кратко обозреваются некоторые стоические принципы, высказанные в «Георгиках». Хотя Вергилий на протяжении поэмы иногда подвергает сомнению некоторые эпикурейские положения, он не заменяет их стоическими. Однако стоические идеи выражаются в других частях «Георгик». В статье предполагается, что Вергилий избирательно подходил к философским концепциям, поскольку у него не было цели изложить последовательную доктрину. Также это может быть связано с развитием личных взглядов Вергилия, который, вероятно, на момент написания «Георгик» не занял четкой позиции в противостоянии эпикурейцев и стоиков.

Ключевые слова: Вергилий, «Георгики», Лукреций, эпикурейство, стоицизм.

Для цитирования: Шаршукова О.В. Некоторые философские представления в «Георгиках» Вергилия // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 3. Ч. 2. С. 254–262. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-3-254-262

Some philosophical ideas in Virgil's "Georgics"

Ol'ga V. Sharshukova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, sharshukovaov@yandex.ru*

Abstract. The article considers how Virgil relates to some Epicurean ideas, drawing on the descriptions of passion and illness in Book III of the *Georgics* and in Lucretius' *On the Nature of Things*. The fact is that it is those episodes in Virgil that are called some of the most consistent imitations of Lucretius, and so here one can trace Virgil's attitude to Lucretius' views, and by extension to those of Epicureanism. The author also considers the attitude of Virgil (on the example of Book III of the *Georgics*) and Lucretius to religion. In addition, the paper briefly reviews some of the Stoic principles expressed in the *Georgics*. While Virgil definitely problematises some epicurean ideals, he does not seem to offer stoic principles instead. But stoic ideas are definitely expressed in some other parts of the *Georgics*. The paper suggests that Virgil was selective in his approach to philosophical concepts because he had no goal of laying down a coherent doctrine. It may also be related to the development of Virgil's personal views, who probably at the time of writing the *Georgics* did not take a clear position in the confrontation between the Epicureans and the Stoics.

Keywords: Virgil, Vergil, Georgics, Lucretius, epicureanism, stoicism

For citation: Sharshukova, O.V. (2023), "Some philosophical ideas in Virgil's 'Georgics'", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 3, part 2, pp. 254–262, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-3-254-262

По сведениям древних биографов, Вергилий после завершения «Энеиды» собирался заниматься только философией (Suet. *Vita Verg.* 35). В то же время в «Георгиках», хотя это не философская поэма, смешиваются эпикурейские¹ и стоические положения.

Философская поэма Лукреция «О природе вещей» – один из важнейших текстов, с которыми работал поэт при создании «Георгик» [Sellar 1877, p. 213]², и эта поэма полностью посвящена изложению философской концепции Эпикура. Вергилий, используя текст «О природе вещей», подвергает сомнению многие идеи Лукреция [Gale 2000, p. 23].

¹ Одно из самых ярких проявлений эпикурейской философии в творчестве Вергилия – VI эклога, где описывается космогония. В пустоте были собраны «семена» земель, ветров, моря и огня (Ecl. VI. 31–33).

² В то же время Р. Томас полагает: что язык поэмы Лукреция оказал большее влияние на Вергилия, чем ее содержание [Thomas 1986, p. 175].

Особенно ярко это проявляется в III книге «Георгик». В свою очередь, описание чумы в III книге «Георгик» – одна из наиболее лукрецианских частей поэмы [Gale 2000, p. 49]. Кроме того, в статье рассматривается и знаменитый пассаж Вергилия об атог, также содержащий большое количество аллюзий на Лукреция.

Обратимся к тому, как Лукреций и Вергилий относятся к страсти. Но сначала кратко рассмотрим эпикурейские и стоические представления о страсти и любви, ведь конфликт между удовольствием и разумом был одной из основных этических дилемм в эллинистической философии [Asmis 1982, p. 468].

Эти вопросы не рассматриваются Эпикуром в «Письме к Геродоту» и в «Главных мыслях». Трактат Эпикура «О страсти», который упоминает Диоген Лаэртский (D.L. X. 27), был утерян [Brown 1987, p. 101]. Есть основания предполагать, что Эпикур, в отличие от Аристотеля, относил сексуальное желание к естественным, но не необходимым [Brown 1987, p. 108]; любовь для Эпикура – просто сексуальное желание [Brown 1987, p. 118]. Как сообщает Диоген, по мнению эпикурейцев, мудрецу не подобает влюбляться и заботиться о похоронах, а страсть не насыщается богами (D.L. X. 118). В то же время важно помнить, что Лукреций пользовался не только текстами самого Эпикура, в том числе и не дошедшими до нас, но и другими эпикурейскими источниками [De Lacy 1948, p. 12–14].

О взглядах стоиков на влечение Диоген Лаэртский пишет, что хорошо, когда мудрец испытывает влечение к юношам, которые проявляют расположенность к добродетели (D.L. X. 129–130). Также, по сведениям Диогена, для стоиков *ἔρως* – род дружбы, а не телесной близости, и не насыщается богами, как и по представлениям эпикурейцев.

В начале «О природе вещей» Венера является не разрушительной силой, а, наоборот, созидательной. Все следуют за ней по своей воле, она дает всем жизнь, способствует продолжению рода, ее приход ассоциируется с весной и цветением, она одна может даровать мир (I. 15–40).

Об атог как о болезни и страдании Лукреций пишет позже, в «диатрибе против любви» в конце IV книги. Только в этом контексте Венера у Лукреция становится разрушительной [Gale 2000, p. 419]. Как отмечает А. Бетенски, в прологе у Лукреция Венера олицетворяет эпикурейское удовольствие, идеал, к которому нужно стремиться, а в IV книге – уже мрачную реальность [Betensky 1980, p. 297]. Конец IV книги «О природе вещей» посвящен сексуальному влечению, которое описано достаточно физиологично. Лукреций дважды сравнивает влечение с раной (1049–1051, 1120), а также с язвой (1068), что будет заимствовано Вергилием для

описания чумы. Несколько раз в контексте болезни упоминается умор, влага, которую Лукреций ставит рядом с амор (1037–1072) [Gale 2000, р. 419]. Женщин из-за влечения охватывает бешенство и ярость (1117). Также Лукреций упоминает о том, что сексуальное желание не чуждо и животным, в том числе кобылицам (1199–1200). Венера приносит людям «холодную заботу» (1060), что, конечно, мешает достижению эпикурейского идеала.

Вергилий в пассаже об амор в III книге «Георгик» объединяет молитву Лукреция к Венере из вступления и амор из IV книги «О природе вещей». Как отмечает М. Гейл [Gale 2000, р. 414], описание амор у Вергилия изобилует лукрецианской лексикой: *saesi stimulos amoris, carpit vires, uritque videndo* (III. 209–218).

Из начала поэмы Лукреция, где все подвластно Венере, заимствовано перечисление подвластных страсти животных у Вергилия [Thomas 1988, р. 86]:

Omne adeo genus in terris hominumque ferarumque
et genus aequoreum, pecudes pictaeque uolucres (III. 242–243).

У Лукреция же мы находим:

genus omne animantium, aerii volucres, inde ferae pecudes (DRN I. 4–14).

А охваченные страстью кобылы у Вергилия переплывают реки, как в «О природе вещей» скот переплывает быстрые ручьи с приходом Венеры и весны (Georg. III. 270 – DRN I. 14–15).

Также Вергилий, очевидно, подразумевает амор Лукреция, хотя цитирует эту часть значительно меньше. Сама Венера делает кобыл безумными (Georg. III. 267), как и у Лукреция кобылы подвержены Венере (DRN IV. 1198–1200). Также можно предположить, что конструкция с герундием *uritque videndo* (Georg. III. 215), напоминает лукрецианское *inveterascit alendo* (DRN IV. 1068). Но важно отметить, что конец IV книги «О природе вещей» используется Вергилием прежде всего в описании чумы, а не амор.

Возможно, молитва к Венере Лукреция подвергается сомнению Вергилием: аллюзии на пролог «О природе вещей» оказываются в контексте, где амор и Венера ассоциируются с безумием и опасностью. В «Георгиках» амор становится прежде всего разрушительной силой, которой почти невозможно противостоять.

В то время как у Лукреция амор ассоциируется прежде всего со влагой (умор), у Вергилия – скорее с безумием и с огнем [Gale 2000, р. 139]:

in furias ignemque ruunt (III. 244), furor est insignis equarum (III. 266), uritque videndo (III. 215), iuvenis, magnum cui versat in ossibus ignem (III. 258), avidis ubi subdita flamma medullis (III. 270).

Так влечение из болезни, с которой возможно справиться, перерастает в стихийное бедствие.

В отношении к страсти Вергилий, по-видимому, не отступает от эпикурейских идей: амок – губительная сила, даже более опасная, чем у Лукреция.

Хотя Лукреций упоминает стрелы Венеры, из-за которых якобы возникает влечение (IV. 1052), ниже он пишет, что страсти можно попробовать избежать, переключая внимание (IV. 1063–1064). Даже уже будучи в плену у влечения, из него можно вырваться (IV. 1149–1150). Также любовь к некрасивой внешне женщине в «О природе вещей» вызвана не стрелами Венеры (IV. 1278), а реалистично объясняется характером этой женщины и привычкой (IV. 1283).

Вергилий также предлагает держать быков отдельно от коров, чтобы избегать влечения и «слепой любви» (III. 210), но, судя по всему, если пламя страсти уже разгорелось, от него в «Георгиках» нельзя спастись. В отличие от Лукреция Вергилий не дает объяснений возникновению страсти. Венера в рассказе об амок активно вмешивается в происходящее один раз, насылая безумие на кобылиц (III. 267).

Теперь обратимся к тому, что говорится о причинах болезни в «О природе вещей» и в «Георгиках». Возможно, Вергилий несколько подвергает сомнению лукрецианскую идею, что все можно объяснить рационально.

Лукреций дает несколько объяснений возникновения чумы в Афинах. Так, болезни в «О природе вещей» происходят из-за «чужого нам воздуха», который вытесняет привычный нам (VI. 1118–1119). Позже он отмечает, что скученность жителей Афин лишь усугубляла распространение болезни (VI. 1259–1263). Но, судя по всему, истинная причина болезни для Лукреция – это невежество. Ведь страшна не сама болезнь и не смерть, а смятение чувств и ума, которое наступает из-за страха смерти [Freudenburg 1987, p. 61, 64].

Вергилий в лукрецианском стиле обещает научить распознавать признаки болезней и их причины (III. 440). Затем он действительно приводит четыре причины возникновения чесотки у овец (III. 441–444). Причина же чумы в Норике – буквально «непогода неба», что напоминает «не тот воздух» у Лукреция, а также жара (III. 478–479). Дальше достаточно подробно описываются не причины, а симптомы болезни. В описании симптомов чумы в Но-

рике Вергилий использует афинскую чуму Лукреция. Например, о признаках приближающейся смерти Вергилий пишет *haec ante exitium dant signa* (Georg. III. 503), и это прямая отсылка к *multaque praeterea mortis tum signa dabantur* (DRN VI. 1182). У жертв болезни в «Георгиках» пылают глаза (Georg. III. 505), как и у Лукреция (DRN VI. 1190). Кроме того, Вергилий привлекает и IV книгу «О природе вещей», поскольку атог там – скорее болезнь. Так, у Лукреция влечение – язва, которая все увеличивается (DRN IV. 1068). Вергилий же в конце III книги пишет о безуспешных попытках избавления от язв болезни (Georg. III. 454). Образование и знания потерпели неудачу (III. 549; Clare 1995, p. 96), что явно не соответствует эпикурейской идеологии.

Также коротко рассмотрим представления о вмешательстве богов в жизнь человека и религии у Вергилия и у Лукреция. В представлениях эпикурейцев, поскольку Вселенная «без богов», боги не могут быть ответственными за зло, а Провидение – миф. С точки зрения же стоиков, бедность, болезни и смерть – не зло, а нейтральные явления [Mansfeld 1999, p. 464–465].

У Лукреция тот, кто выучит эпикурейский урок, сможет избежать ужасов чумы. Чума в «О природе вещей» – даже, возможно, эквивалент платоновского мифа об Эре [Bright 1971, p. 632], а не божественное наказание. В конце VI книги Лукреций подчеркивает бесполезность религии: храмы заполняются трупами (VI. 1276–1277).

У Вергилия же избавиться от страданий не представляется возможным (III. 509). Если разрушительной силы атог можно попробовать избежать, от болезни нельзя спастись. Даже бык погибает, хотя его жизнь была похожа на эпикурейский идеал: у него не было излишеств и забот (III. 525–530). Кажется, что завет из первой книги – почитать богов в первую очередь (I. 338) – не работает. В то же время люди, в отличие от афинян в «О природе вещей», пытаются почитать Юнону. Также бездействие земледельца осуждается в том числе при помощи слова *vitium* (III. 454–456) [Davisson 1993, p. 489–490]. Только уповать на богов нельзя, но также нельзя и прекращать их почитать, даже без надежды на результат [Gale 1991, p. 424]. Даже в «пессимистичной» III книге Вергилий не поддерживает эпикурейский тезис о бесполезности религии.

Появление Тисифоны в конце III книги, в кульминации эпизода о болезни, также вызывает вопрос, не является ли чума в «Георгиках» наказанием богов, поскольку во многих других источниках Тисифона – инструмент божественного гнева (например, Аен. X. 761). В то же время Вергилий не пишет о том, за что жители Норика могли бы быть наказаны.

Итак, в III книге, одной из самых лукрецианских, Вергилий то поддерживает философские идеалы Лукреция и эпикурейцев, то ставит их под сомнение или в некоторой степени от них отступает. Можно отметить, что Вергилий хотя и спорит с некоторыми эпикурейскими идеями, но не заменяет их стоическими, по крайней мере в III книге.

Однако в некоторых других частях поэмы Вергилий предлагает очевидно стоические идеи, связанные с представлениями о роли богов в жизни людей.

Например, в I книге говорится о том, что Юпитер прекратил Золотой век, чтобы люди не закоснели в бездействии (I. 121–124). Некоторые ученые интерпретируют этот поступок как благодеяние [Campbell 1996, p. 569; Perkell 2002, p. 21–22]. Л. Вилкинсон также отмечает, что восприятие Золотого века как бездейственного существования – вероятно, стоическая идея [Wilkinson 1963, p. 77]. Хотя здесь, по-видимому, есть аллюзия на Эпикура у Лукреция (DRN V. 10; [Gale 2000, p. 66]), который в «О природе вещей» называется богом, но, конечно, был смертным, влияние Арата и его (стоической) теологии (Phaen. 2–4), вероятно, важнее.

Также Лукреций заявляет, что мир не был создан богами для людей, поскольку большая его часть непригодна для жизни (DRN V. 200). В «Георгиках» же наличие двух пригодных для людей поясов свидетельствует о том, что их в дар смертным дали боги (Georg. I. 237–238).

Вергилий в «Георгиках» действительно эклектичен в отношении философских представлений. Он то соглашается с эпикурейскими тезисами, то ставит их под сомнение, не предлагая взамен другой философской концепции, то излагает стоические идеи. Возможно, это связано в первую очередь с тем, что у Вергилия не стояло задачи последовательно изложить некую философскую доктрину. Также, вероятно, можно связать это и со взглядами самого поэта, который либо еще не занял четкую позицию в противостоянии эпикурейцев и стоиков, либо вовсе не стремился ее занять.

Литература

- Asmis 1982 – Asmis E. Lucretius' Venus and Stoic Zeus // Hermes. 1982. № 4. P. 458–470.
 Betensky 1980 – Betensky A. Lucretius and Love // The Classical World. 1980. № 5. P. 291–299.
 Bright 1971 – Bright D.F. The Plague and the Structure of “De Rerum Natura” // Latomus. 1971. № 3. P. 607–632.

- Brown 1987 – *Brown R.D.* Lucretius on Love and Sex. A Commentary on De Rerum Natura IV, 1030–1287 with Prolegomena, Text, and Translation. New York: Brill, 1987. 392 p.
- Campbell 1996 – *Campbell J.S.* Labor Improbis and Orpheus' Furor: Hubris in the Georgics // *L'Antiquité Classique*. 1996. № 65. P. 231–238.
- Clare 1995 – *Clare R.J.* Chiron, Melampus, and Tisiphone: Myth and Meaning in Virgil's Plague of Noricum // *Hermathena*. 1995. № 158. P. 99–108.
- Davisson 1993 – *Davisson M.* The Treatment of Festering Sores in Vergil // *The Classical World*. 1993. № 6. P. 487–492.
- Freudenburg 1987 – *Freudenburg K.* Lucretius, Vergil, and the Causa Morbi // *Vergilius*. 1987. № 33. P. 59–74.
- Gale 1991 – *Gale M.* Man and Beast in Lucretius and the Georgics // *The Classical Quaterly*. 1991. № 2. P. 414–426.
- Gale 2000 – *Gale M.* Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 321 p.
- De Lacy 1948 – *De Lacy P.H.* Lucretius and the History of Epicureanism / Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1948. № 79. P. 12–23.
- Mansfeld 1999 – *Mansfeld J.* Theology // *The Cambridge History of Hellenistic Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 452–478.
- Perkell 2002 – *Perkell C.* The Golden Age and Its Contradictions in the Poetry of Virgil // *Vergilius*. 2002. № 48. P. 3–39.
- Sellar 1877 – *Sellar W.Y.* The Roman Poets of the Augustan Age: Virgil. Oxford: Oxford University Press, 1877. 466 p.
- Thomas 1986 – *Thomas R.F.* Virgil's Georgics and the Art of Reference // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1986. № 90. P. 171–178.
- Thomas 1988 – *Thomas R.F.* Virgil. Georgics / Ed. by R.F. Thomas. Vol. II. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 256 p.
- Wilkinson 1963 – *Wilkinson L.P.* Virgil's Theodicy // *The Classical Quaterly*. 1963. № 13. P. 75–84.

References

- Asmis, E. (1982), "Lucretius' Venus and Stoic Zeus", *Hermes*, no 4, pp. 458–470.
- Betensky, A. (1980), "Lucretius and Love", *The Classical World*, no 5, pp. 291–299.
- Bright, D. F. (1971), "The Plague and the Structure of 'De Rerum Natura'", *Latomus*, no 3, pp. 607–632.
- Brown, R. D. (1987), *Lucretius on Love and Sex. A Commentary on De Rerum Natura IV, 1030–1287 with Prolegomena, Text, and Translation*, Brill, New York, USA.
- Campbell, J. S. (1996), "Labor Improbis and Orpheus' Furor: Hubris in the Georgics", *L'Antiquité Classique*, no 65, pp. 231–238.
- Clare, R.J. (1995), "Chiron, Melampus, and Tisiphone: Myth and Meaning in Virgil's Plague of Noricum", *Hermathena*, no 158, pp. 99–108.
- Davisson, M. (1993), "The Treatment of Festering Sores in Vergil", *The Classical World*, no 6, pp. 487–492.

- Freudenburg, K. (1987), "Lucretius, Vergil, and the Causa Morbi", *Vergilius*, no. 33, pp. 59–74.
- Gale, M. (1991). "Man and Beast in Lucretius and the Georgics", *The Classical Quaterly*, no. №2, pp. 414–426.
- Gale, M. (2000), *Virgil on the Nature of Things: The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- De Lacy, P.H. (1948), "Lucretius and the History of Epicureanism", *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*, no 79, pp. 12–23.
- Mansfeld, J. (1999), Theology. *The Cambridge History of Hellenistic Philosophy*, Cambridge University Press, UK, pp. 452–478.
- Perkell, C. (2002), "The Golden Age and Its Contradictions in the Poetry of Virgil", *Vergilius*, no 48, pp. 3–39.
- Sellar, W.Y. (1877), *The Roman Poets of the Augustan Age: Virgil*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Thomas, R.F. (1986), "Virgil's Georgics and the Art of Reference", *Harvard Studies in Classical Philology*, no 90, pp. 171–178.
- Thomas, R.F. (ed.) (1988), *Virgil. Georgics*, vol. II, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Wilkinson, L. P. (1963), "Virgil's Theodicy", *The Classical Quaterly*, no 13, pp. 75–84.

Информация об авторе

Ольга В. Шаршукова, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; sharshukovaov@yandex.ru

Information about the author

Ol'ga V. Sharshukova, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; sharshukovaov@yandex.ru